

Soul in the Beliefs of Ma People and Their Neighbours

Groups whose concepts of the soul are discussed here live in the Lam Dong and Dong Nai provinces in the Southern Vietnam. Present article based on the field data gathered by the author in February-March, 1987 and March-April, 1989. The accent made on the beliefs connected with the nature of human soul, its location, qualities and quantities, relations with the body, etc. It is concluded that although the soul is sometimes spoken as a single thing, in mentality it is multiple. But the soul multiplicity is conceived in different ways by the Ma of Datch and Loklam districts of the Lam Dong province as well as by the Mnong-gar and by Tola and Manto (district Baoloc, Lam Dong). According to the analysis of the souls' terms two major groups can be detached among highlanders: 1) the soul (huing, heeng) is free, external soul, shadow-soul, i. e. the soul conceived as a substance capable to separate from the body in life without causing death; 2) the corporeal soul (soan), the conception of the soul which is closely connected with the physical body and never leaves the body during life.

V. N. Shinkariov

© 1993 г., ЭО, № 2

Э. Кьодо

ГАРИЛ: ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПРЕДКАМ В КУЛЬТЕ ЧИНГИСХАНА *

Жертвоприношение предкам, называемое гарил, совершают в Монголии каждую весну по случаю церемонии «белого стада весны» (*габур-ун чаган сюрюг-юн тайлга*) в честь Чингисхана. В апреле 1990 г. проф. Клаус Сагастер и я отправились в Эджен-Хоро с целью посмотреть на церемонию «белого стада» и сверх всяких ожиданий были допущены с разрешения даргада¹ на тайную церемонию гарил, описание которой следует ниже.

В начале церемонии мясо жертвенных баранов, называемых в Ордосе сигюсю² (баран, сваренный целиком и предназначенный для особого случая), помещают на два подноса, один чуть больше другого, и посвящают Чингисхану. После этого даргады исполняют много других ритуалов, которые не будут здесь описаны, поскольку выходят за рамки данной статьи.

Даргады берут большой деревянный ящик и кладут в него мясо с бóльшего подноса. Затем они берут медный ящик и кладут туда оставшееся мясо. При помощи ножей даргады начинают выскабливать бараньи кости. Очищенные кости и головы помещают в мешок. Чаргичи³ ставит рядом с ящиками для мяса два сосуда с молочной водкой (*сагали-ийн араки*). Молочную водку наливают в чагу⁴, а затем выплескивают в очаг Чингиса, находящийся в нижней части жертвенного стола. Ирюгельчи⁵, держа лампу в правой руке и гадаг в левой, читает благословения (*ирюгель*). Мясо раздается участникам церемонии, это действие называется распределение (*тюгель*) или доля бога (*богда-ийн кешиг*). Каждый съедает свою долю мяса. Мешок с очищенными костями оставляют около очага рядом с двумя сосудами с молочной водкой. Общая часть церемонии заканчивается, и все ее участники покидают святилище. Жертвоприношение предкам, или гарил, это — тайный ритуал, и никому из непосвященных не позволено присутствовать во время его исполнения. Мы

* Основано на лекции, прочитанной во время 4-го Европейского семинара, посвященного проблемам изучения Центральной Азии. Бамберг, 8—12 октября 1991 г.

ждали захода солнца в доме даргада, и, как только стемнело, в восемь вечера начался ритуал гарил.

Даргады шли от святилища процессией, которую возглавил старик, несший на плечах мешок с очищенными костями. Следовавшие за ним держали в руках сосуды с молочной водкой и горящие ароматические палочки. Они двигались по направлению к «месту проведения гарил» (*гарил-ун сагу*), находящемуся в роще недалеко от святилища. Здесь было разложено три погребальных костра: центральный был посвящен Чингису и его первой жене Бортэ, остальные два — другим женам Чингисхана, Кулан и Гюрбельджин. Один из даргадов извлек очищенные кости из мешка, в то время как ирюгельчи держал сосуды с молочной водкой. Даргад бросил кости в огонь, другой даргад плеснул в огонь молочной водки и бросил бараньи головы. Ирюгельчи велел нам встать на колени перед огнем, что мы и сделали. Затем молочная водка была распределена между участниками. Чаргичи, державший ароматические палочки, трижды обошел погребальные костры в сопровождении остальных даргадов. Ритуал гарил был окончен, и даргады покинули место жертвоприношения. Старый даргад, отвечавший за кости, забрал пустой мешок. Покинув место, где был исполнен ритуал гарил, процессия даргадов быстро удалась, никто не оборачивался. С пением гимна на «языке богов»⁶ даргады исчезли в темноте.

Комментарии

Святилище, в котором была исполнена церемония в честь Чингисхана, расположено в Эджен-Хоро — одном из семи знамен⁷ Лиги Большого Джо во Внутренней Монголии. Территория, включающая все семь знамен, называется Ордос. Святилище было возведено в 1956 г. и до 1987 г. подвергалось перестройкам⁸. До того, как было построено это святилище, церемонии в честь Чингиса проводились в «восьми белых юртах» (*найман цаган гер*) — месте, упоминаемом в монгольских хрониках с начала XVII в.⁹ Саган Сэцэн повествует в своей Эрдэни-йин тобчи, что существовал обычай возведения на трон монгольских императоров перед «восемью белыми юртами»¹⁰.

Среди ежегодно проводимых церемоний в честь Чингисхана «церемония белого стада весны» является самой значительной и наиболее тщательно разработанной¹¹. Жертвоприношение предкам, называемое гарил, осуществляется вечером накануне этих церемоний. Естественно, церемонии, исполняемые в честь Чингиса, претерпели изменения с течением времени и в наши дни осуществляются в самом упрощенном варианте, однако некоторые древние детали все же сохранились. Поэтому я считаю, что эти церемонии и сегодня могут быть ценным источником для изучения верований и обычаев древних монголов. В обряде гарил также наблюдаются некоторые изменения, однако интересно отметить сохранение таких древних элементов ритуала, как время проведения церемонии, ее таинственность, сжигание очищенных костей жертвенных животных и быстрый уход с места жертвоприношения. Я считаю, что для получения наиболее достоверной картины обряда гарил стоит дать краткое описание, как этот ритуал проводился в древности.

Ритуал гарил проводился вечером двадцатого дня третьего месяца. Даргады, отвечающие за проведение гарил, назывались отог ирюгельчи и кий-а. Эти даргады отвечали и за культ Толуя, младшего сына Чингиса. Остальные даргады и «благородные потомки Чингиса» (*тайджи*) в этом ритуале участия не принимали. Согласно обычаю, установленному отог ирюгельчи, вечером двадцатого дня каждое знамя Орды должно было поднести жертвенное питье (*саргуд*), «хлебную водку» (*гар-а арики*), и «кости с оставшимся на них мясом, которые сжигаются» (*гарил-ун гатагу*). Перед началом обряда отог ирюгельчи отправлялся в «павильон» (*чомчог*) Чингиса, брал оттуда молитвенник, называемый «золотая книга гарил» (*гарил-ун алтан бичиг*), и клал ее себе за

пазуху. В начале своего пути к месту проведения гарил отог ирюгельчи и его свита, согласно обычаю, совершали 81 действие, которые, по народным повериям, являются дурным предзнаменованием. Поэтому в седло они садились не с обычной стороны и вставляли в стремя свои пятки. Кнут у них висел на мизинце, а уздечку они дергали указательным пальцем и двигались на северо-восток, что считается дьявольским направлением. Отправляясь на церемонию гарил, они обычно пускали лошадей в бешенный галоп и сбивали тех, кто встречался на их пути. Первым исполнялся обряд «заклинение барана гарил» (*гарил-ун сибисилген гони*): убивали барана и гадали на его внутренностях. На гарил-ун сагу разводили три погребальных костра. Для этого использовали дрова из вяза, кострище состояло из 27 поленьев, каждое полено должно было быть гладким, без сучков, веток и шипов. Самый дальний костер был посвящен Чингису и его первой жене Бортэ, средний — Кулан, а последний — Гюрбэлджин. Даргады, исполнявшие этот ритуал, вливали в погребальный костер вскипяченное масло (*сир-а тосу*) для того, чтобы разжечь огонь. Затем они бросали в огонь кости с кусками мяса и сжигали их. Вернувшись в павильон Чингиса, они исполняли церемонию призывания благополучия (*далаг-а*). Совершив ее, они клали в ведро, используемое во время далалг-а (*далалг-а кенюг*) овсяную кашу (*амусу*), а сверху на нее помещали переднюю ногу жертвенного барана. Поставив ведро поверх шкуры жертвенного барана, четыре даргада исполняли далалг-а, двигая шкуру вверх и вниз. Во время далаг-а не разрешалось кричать квуруи-квуруи (см. прим. б), но нужно было петь гимн гарил-ун далаг-а. После этого отог ирюгельчи и его свита проходили около огня гарил (*гарил-ун гал*), и, окропив кумысом вычищенные кости, сжигали их в огне. Затем, выплеснув из сосуда в костер кумыс, они трижды совершали поклоны. В завершение ритуала они рисовали узоры на пепле, а один даргад держал на спине сосуд. Потом все участники обходили вокруг места, где проводилась церемония, не глядя туда, и покидали павильон Чингиса с пением гимна гарил. На обратном пути отог ирюгельчи и его свита обычно пускали лошадей в галоп¹².

Анализ наиболее важных аспектов ритуала гарил, который я имела возможность наблюдать в апреле 1990 г., начну с разбора обряда распределения мяса между участниками церемонии. Распределение жертвенной еды после жертвоприношения — очень древний монгольский обычай. В § 70 «Сокровенного сказания» имеется выражение *йекес-юн кесиг*. Оно имеет отношение к той части мяса, предлагаемого для жертвоприношения предкам, которая распределяется между участниками церемонии. Из описания жертвоприношения предкам, данного в «Сокровенном сказании», мы знаем, что Оэлун, мать будущего Чингисхана, не была приглашена отведать жертвенной пищи¹³. Следствием исключения Оэлун из очень важного ритуала жертвоприношения предкам были перемены в ее судьбе, приведшие к потере подданных¹⁴. Распределение жертвенного питья и еды между участниками церемонии может рассматриваться как общинная трапеза при завершении жертвоприношения, так как только после распределения жертвенного питья и мяса между участниками церемонии жертвоприношение можно считать окончанным.

Долю жертвенного питья и пищи можно также воспринимать как вознаграждение исполняющим жертвоприношение. Это особенно четко прослеживается в «великом верховном божественном распределении» (*богда-йин йеке манглаи тюгель*) — молитве, читаемой по случаю «церемонии летних озер» (*джун-у нагур-ун тайилг-а*). Эта молитва является не только чествованием монгольской нации и восхвалением деяний тех, кто помогал Чингису создавать империю Монголов, но также и испрошением вознаграждения для их потомков¹⁵.

Таинственность является одной из древнейших черт ритуала гарил, которая сохранилась и до нашего времени. В прошлом жертвоприношение царственным предкам осуществлялось только узким кругом их наследников. Каган собственноручно совершал церемонии в честь Чингиса, на них разрешалось присут-

ствовать только его потомкам, представителям золотого рода (*алтан уруз*)¹⁶. С течением времени эти церемонии стали публичными, вследствие чего и простому народу дозволялось присутствовать на них, приносить жертвы и совершать поклоны перед усыпальницей Чингиса. Однако жертвоприношение предкам гарил всегда оставалось церемонией тайной, проводимой как отог ирюгельчи в прошлом, так и всеми даргадами в настоящее время.

Сжигание очищенных костей как приношение является одной из наиболее интересных составных частей ритуала гарил. Этот тип подношения — очень древний, и его все еще можно наблюдать в различных районах Монголии. О случаях сжигания костей монголами в средние века сообщает Плано Карпини. Он рассказывает, что монголы делали идола для поклонения своему первому кагану, т. е. Чингису, и помещали его на повозку перед дворцовой юртой (*гюйюг гаган*). Божеству посвящали лошадей и других животных. Когда этих животных забивали, их кости сжигали, а не дробили¹⁷. Эта информация Плано Карпини, дошедшая до нас из прошлого, имеет огромную ценность, так как позволяет нам убедиться в том, что сжигание костей жертвенных животных являлось вариантом жертвоприношения предкам.

Значение костей в монгольской культуре — предмет, заслуживающий отдельного изучения. Но так как кости жертвенных животных играют ведущую роль в ритуале гарил, в данной статье следует отметить некоторые аспекты этой важной темы.

Противопоставление кости — мясо (*йосу-миг-а*) глубоко укоренилось в сознании монголов: кости долговечны, в то время как мясо разлагается. Именно из-за своей долговечности кости являются символом непрерывности семейной линии и считаются связующей нитью между предками и потомками¹⁸. Последнее особенно относится к восприятию западными монголами большой берцовой кости. Именно ей совершают поклоны во время брачных церемоний, а в новых юртах помещают ее за настил крыши, т. е. в то место, где в древности хранились обереги семьи (*онгон*)¹⁹.

По поверьям, кости имели силу воскрешать из мертвых, но только в том случае, если кости человека или животного не были разрушены; в противном случае сила пропадает. Это верование широко распространено среди монгольских пастухов, которые, убивая животных, всегда оставляют их кости целыми²⁰. Помимо этого среди монгольских пастухов наблюдается практика сжигать кости съеденных животных²¹.

Кости сжигают в огне, чтобы навсегда обезвредить врагов. Отголоски этих верований можно найти в монгольском эпосе и фольклоре, когда речь идет о деяниях героев и их борьбе против недругов. Просто убийство наиболее опасного врага не дает герою уверенность, что тот не вернется вновь и не найдет на него беды. Поэтому только когда герой сожжет кости врага в огне и сотрет остатки их в прах, он может считать, что его враг полностью уничтожен²².

Огонь у монголов является одним из наиболее важных предметов поклонения. Хорошо известны разнообразные его качества, перечисляемые в молитвах огненного культа²³. В обряде гарил огонь — это и составная часть ритуала, и средство передачи приношения предкам, т. е. Чингису и его женам. Молитвы, читаемые во время огненного богослужения, имеют следующее описание огня: «*дэгэр-э тигри нэбтэ чог-ту доор-а этюгэн нэбтэ экэ нэбтэ ильчитю*», т. е. «накаляется докрасна тот, который проникает выше Тенгри, и согревает тот, который проникает ниже Матери Земли»²⁴. Таким образом, огонь является связующим звеном между Небом и Землей. Из-за той силы, с которой огонь вздымается вверх, он также считается наиболее удобным посланником, способным оповестить Небеса не только о великих событиях в жизни людей, но и о малых²⁵.

Как уже было сказано выше, после завершения обряда гарил даргады

покидают место жертвоприношения. Они удаляются процессией очень быстро, не оглядываясь, с пением гимна «на языке богов». Необходимость спешного ухода объясняется тем, что, по поверью, в месте жертвоприношения может сохраниться связь между этим миром и миром мертвых, духов. Подобное стремительное удаление трактуется Е. С. Василевским как «быстрое возвращение после контакта с посвященными»²⁶. У монголов обычай немедленного ухода без оглядки с места жертвоприношения наиболее четко прослеживается в жертвоприношении предкам и в погребальных обрядах. Самое раннее упоминание об обычае «быстрого ухода» мы находим в сообщении Журдена де Северака. Он рассказывает: «Умершего императора с несметными сокровищами определенное число людей относят в определенное место, где они хоронят тело. Затем они бегут обратно, как будто бы дьявол гонится за ними»²⁷. В манускрипте, датированном концом XVI — началом XVII вв., содержатся правила проведения церемонии в честь Чингиса непосредственно каганом. В частности, там совершенно четко установлено, что каган после окончания церемонии должен быстро возвращаться верхом, не оглядываясь на двойной шатер Чингиса, в котором проводилась церемония²⁸.

Перевод Т. Б. Розыновой

Примечания

¹ Даргадами именуются люди, отправляющие культ Чингисхана. Даргады, ответственные за проведение ежегодной церемонии в честь Чингисхана, объявляют себя потомками Богурчи, в то время как отвечающие за богослужение «черное знамя» (*сар-а сюлдэ*) считают себя потомками Мугали. Подробнее об истории даргадов см.: *Sagaster K. Die Weisse Geschichte (catan teuke). Eine mongolische Quelle zur Lehre von Beiden Ordnungen Religion und Staat, in Tibet und der Mongolei. Wiesbaden, 1976. S. 211—222; Sayinjirtal and Saraldai. Altan ordon-u tayilt-a. Beijing, 1983. P. 413—470.*

² *Mostaert A. Dictionnaire Ordos. Peking, 1941—1944. V. II. P. 638a.*

³ Чаргичи — даргад, который играет на чарги во время церемонии в честь Чингиса, а также поет так называемый «гимн на языке богов» (см. прим. 6). Чарги — музыкальный инструмент, представляющий собой деревянную палку, на верхнюю часть которой надет лошадиная голова. В нижней части расположено девять плашек — деревянных пластинок, производящих грубый, хриловатый звук, когда чаргичи играет на инструменте. По форме чарги напоминает шаманскую барабанную палочку. См.: *Altan ordon-u tayilt-a. P. 16; Chiodo E. The Book of the Offerings to the Holy Cinggis gatan. A Mongolian Ritual Text (part II)//ZAS. 1992. № 23.*

⁴ Чагу — ритуальный сосуд, состоящий из двух спаянных чаш, помещенных в середине небольшого серебряного подноса. См.: *Altan ordon-u tayilt-a. P. 16.*

⁵ Ирюгельчи — даргад, произносящий как благословения (*ирюгель*), так и другие молитвы во время церемонии в честь Чингисхана.

⁶ Гимны «на языке богов» поются в случае, когда жертвенное питье подносится Чингису во время ежегодного ритуала в его честь, а также во время ритуала гарил. В гимнах нет значимых слов, это скорее восклицания, призванные подчеркнуть особую мистическую атмосферу ритуала. Также их можно считать формулами заклинаний. Во всех случаях, кроме гарил, гимны сопровождаются аккомпанементом на чарги. См.: *Žamcarano C. Kul't Cingisa v Ordose. Iz putešestvija v Južnuju Mongoliju v 1910 g.//Central Asiatic J. V. 1. 1961. P. 208; Lüdtke W. Die Verehrung Tschingis-Khans bei den Ordos-Mongolen. Nach dem Berichte von G. M. Potanin aus dem Russischen übersetzt und erläutert//Archiv für Religionswissenschaft. Leipzig, 1927. B. 25. S. 99; Rintchen B. Zum Kult Tschingis-Khans bei den Mongolen//Opuscula ethnologica memoriae ludovici biro sacra. Budapest, 1959. P. 17—22; Idem. Les matériaux pour l'étude du chamanisme mongol. Wiesbaden, 1959. V. 1. P. 109—113; Chiodo E. The Book of the Offerings.*

⁷ Знамя — административно-территориальное деление Внутренней Монголии.

⁸ *Altan ordon-u tayilt-a. P. 1—2, 368—388.*

⁹ *Altan tobči. The Golden Summary which Relates Briefly the Deeds of Civil Governing Established by Ancient Emperors/Ed. Sa. Bira, Ulaanbaatar. P. 127.*

¹⁰ *Erdeni-yin tobči. Mongolian Chronicle by Satang Sečen. Cambridge Mass., 1956. Part I. P. 15.*

¹¹ Описание весенних церемоний в честь Чингиса см.: *Altan ordon-u tayilt-a. P. 78—102; Žamcarano C. Op. cit. P. 194—234; Lüdtke W. Op. cit. S. 83—139; Sagaster K. Op. cit. S. 346—349.*

¹² *Altan ordon-u tayilt-a. P. 132—140; ритуал гарил также упомянут у Жамцарано: Žamcarano C. Op. cit. P. 207—208; Serruys H. The Cult of Cinggis-Quan. A Mongolian Manuscript from Ordos//ZAS. 1984. № 17. P. 29—62.*

¹³ *Mostaert A. Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols//HJAS. 1950. V. 13. P. 287—308; Ligeti L. Le Sacrifice offert aux ancêtres dans l'Histoire secrète//AOH. 1973. V. XXVII. P. 143—161.*

¹⁴ de Rachewiltz I. The Expression Qajaru Ineri in Paragraph 70 of the Secret History//Studi Orientali. V. IX. Indo-Sino-Tibetica. Studi in onore di Luciano Petech. Roma, 1990. P. 284.

¹⁵ Altan ordon-u tayilt-a. P. 78—102.

¹⁶ Rintchen B. Les Matériaux... P. 84—87.

¹⁷ van den Wyngaert A. Sinica Franciscana. Itineraria et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Firenze, 1929. P. 37—38.

¹⁸ Hamayon R. L'Os distinctif et la chair indifferente// EM. 1975. V. VI. P. 106—107.

¹⁹ Szykiewicz S. On the Kinship Symbolic Among the Western Mongols//Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers. Wiesbaden, 1989. P. 379—385. Другие кости, такие, как первый позвонок (*ама кююгою*), второй позвонок (*гатам кююгою*) и кости лодыжки (*сига*), также имеют для монголов глубочайший смысл. У халха человек, который забивает животных в семье, называется дарган кюмон. После того, как скот забивался, организовывалась специальная трапеза (*дарган гурум*), на которой первый позвонок барана или коровы преподносился забойщику. Обглодав кость, дарган кюмон набивал ее жиром и травами. Затем он брал кость домой и вешал ее на правую сторону дверного косяка. Монголы верят, что после смерти человека или животного их живительная сила сохраняется в позвонках. Эти верования отражены в монгольском эпосе и фольклоре: герой, убив мангуса, разрубает мечом его первый и второй позвонки, чтобы избавиться от него навсегда. См.: *Sampildendev Ke. Mač in arad-un jaŋg üile-yin ulamjilal. Kökegota, 1989. P. 163—168.* О значении костей лодыжки см.: «Сокровенное сказание», § 116; *Roux J.-P. A Propos des osselets de Gengis Khan//Tractata altaica dinis sinor. Wiesbaden, 1976. P. 557—568.*

²⁰ Hamayon R. Op. cit. P. 102—103.

²¹ У халха также можно наблюдать обряд сожжения первого позвонка. Первый позвонок всегда преподносится человеку, забившему корову или барана. Он, обглодав кость дочиста, солит ее и опрыскивает крепкой молочной водкой, а затем сжигает, чтобы обеспечить процветание семьи, владевшей животным. Также он произносит благословения (*ирюгель*) в честь первого позвонка (*Sampildendev Ke. Op. cit. P. 164—171*). В Ордосе существует обычай устраивать трапезу, называемую «трапеза земли» (*сирои-тин каурим*), на третий день после похорон члена семьи. После трапезы, на которой съедается баран, участники ее отправляются на могилу умершего, где сжигают кости барана. (*Narasun Sa. Ordos-un jaŋg atali. Kökegota, 1989. P. 345*). Интересно отметить, что Плано Карпини в XVIII в. был свидетелем такого же жертвоприношения. Он упоминает женщин, сжигающих кости на могилах мужчин (*van den Wyngaert A. Op. cit. P. 42—43*). После жертвоприношения эркюты, «потомки несторианцев, которые живут в Ордосе, распределяли жертвенное мясо среди участников, а вечером очищенные кости сжигали жрецы, ответственные за сжигание костей». (Цит. по: *Mostaert A. Les Erküt, descendants de chretiens medievax chez les Ordos//Ordosica. Bull. 9 of the Catholic University of Peking. 1934. P. 7, 9*).

²² Об этом ритуале см.: *Altan talatu küü. Jögei mijid küü//Heissig W. Erzählstoffe Rezenter mongolischer Heldendichtung. Wiesbaden, 1988. B. 1. S. 60, 97; Kebis tortan següder. Aq-a degüü qoyatula//J irtutadai mergen. Külün Buyir, 1988. P. 41.*

²³ Rintchen B. Les Matériaux... P. 9—33; *Narasun Sa. Op. cit. P. 264—288.*

²⁴ Altan ordon-u tayilt-a. P. 36.

²⁵ Китайские источники повествуют, что, когда Тяй-дунг, властитель киданей, взшел на престол, жрецам было приказано развести костер и оповестить небеса о его вступлении на императорский трон (*Wittfogel and Sheng. History of the Liao Society (907—1125). Philadelphia, 1949. P. 239*). В Ордосе верят, что боги огня покидают домашний очаг за неделю до окончания года и отправляются рассказать Тенгри о делах членов семьи. Перед тем как богу огня удалиться, жители Ордоса сжигают в очаге белую и красную бумагу, приговаривая: «Мы посылаем бога огня» (*Гал-ун бурган мордагуджу байун-а*). Бог огня вернется в семейный очаг через семь дней. В течение этих семи дней детям не разрешается шуметь, кричать или плакать. (*Narasun Sa. Op. cit. P. 263, 289*). Однако в этом веровании явно прослеживается китайское влияние.

²⁶ *Wasilewski J. S. Po smierci wedrować. Szkicz zakresu etnologii świata znaczeń//Teksty. 1979. Part. IV. S. 77—79.*

²⁷ Цит. по: *Pelliot P. Notes on Marco Polo. Paris, 1959. V. I. P. 334; V. V. Barthold. The Burial Rites of the Turks and the Mongols//Central Asiatic J. 1970. V. XIV. P. 208.*

²⁸ *Chiodo E. The Book of the Offerings to the Holy Činggis Qatan. A Mongolian Ritual Text (part I)//ZAS. 1989/1991. V. 22. P. 213.*

Taril: the Sacrifice to the Ancestors in the Cult of Činggis Gatan

Author describes in the paper her own impressions of the sacrifice to the ancestors, which is called taril and performed each spring on the occasion of «the ceremonies of the white herd of spring» in honour of Činggis gatan. Short historical comments on this traditional and very old ceremony are also given.

E. Chiodo